

Утром, включив телевизор, я слушаю прогноз погоды, что мне выбалтывает милостивая дикторша с лучезарной улыбкой. Она щебечет о циклоне и антициклоне, воздушных фронтах и потоках и, конечно, об осадках, что непременно промочат ещё раз наш город и его окрестности. Однако её улыбка так солнечна, что её словам никак не хочется верить. Да и кто верит синоптикам? Они постоянно ошибаются.

Нет, я против. Я, определённо, против. Неужели коту под хвост ещё один день и без того короткого сибирского лета? День на реке, заполненный ударами мяча и детскими криками, горячим песком и женским смехом. День счастья, что впитываешь кожей вместе с солнечным теплом и речными брызгами.

Растолкав с подоконника опостылевшие за год учебники, я высовываюсь в распахнутое настежь окно. Ничего обнадёживающего. По краю неба, там, где коробки домов расступаются, оставляя для обзора полоску реки с холмами на той стороне, ненавязчиво ползают серые тучки. И вроде как их становится больше. Неужели снова дождь? Но – кто знает? Может быть, ещё разойдётся. Я жду до десяти, потом до одиннадцати. Тучки собираются в сплошную пелену во всё небо. К двенадцати пелена сползает в сторону, освобождая место кусочку чистого прозрачного открояния. Это знак.

Я спешно накручиваю телефонный диск:

– Галка, идём на реку.

– Совсем чокнулся. Выгляни в окно.

– Уже глядел.

– И что?

– Думаю, у нас есть шанс.

– Промокнуть насквозь?

– Нет. У нас есть шанс провести день вдвоём под июльским солнцем, наслаждаясь пустынным речным берегом. Ведь вряд ли кто ещё рискнёт.

– Это точно.

– Так ты идёшь? Да или нет?

Она вздыхает:

– Не знаю, наверное, в общем... да.

Иногда мне кажется, что я могу убедить её в чём угодно. С таким же успехом я мог уговорить её прихватить вместо пляжного полотенца коньки – а вдруг река замёрзнет? Можно будет славно покататься. Но, разумеется, она всегда пассивный участник любого мероприятия. Это я – «сумасшедший», а она – так, сопровождает.

Галка появляется из-за угла в светлом платье и солнцезащитных очках. Конечно, никаких зонтов, это лишь спровоцирует дождь. Увидев меня, она машет мне рукой, она надувает губки и покачивает головой, она отбрасывает со лба свою забавную чёлку, то есть делает массу мелких вещей, которые делает девушка под заинтересованным мужским взглядом.

«Чёрт возьми, она красивая!» – в очередной раз пробивает меня, но я слишком молод, чтобы понимание её красоты облечь в слова и непременно сказать ей об этом. Вместо того чтобы справиться со смущением, которое я каждый раз испытываю при нашей встрече, я стараюсь скорее взять её за руку и чмокнуть в щёчку.

– Ты взял одеяло? – она морщит лоб. – Так. А я прихватила полотенце. И крем от загара. Намажешь меня? Вдруг солнце будет слишком жарким.

Порой она кажется мне совершенно просто-душной, её можно разыгрывать бесконечно, но вдруг, посреди какой-нибудь ситуации, в которой я чувствую себя хозяином представления, а её вовлечённым и недоумевающим зрителем, замечаю изгиб губ, сверкнувший из-под чёлки глаз и понимаю, что разгадан, и это уже надо мной смеются. Сейчас она во всю наслаждается ситуацией. Уж такая девушка.

Мы заходим за последние дома, спускаемся на городской пустырь, весь в разводах тракторных гусениц. Здесь собираются строить, а пока готовят площадку. Мы идём дальше, тропинкой меж кустов и вымирающих под натиском города огородов, жалких, сложенных из чего попало построек. Я иду следом за ней, в виду нежно трущихся друг о друга коленок и подпрыгивающих на её затылке завитушек. Мы долго идём вдоль реки, наконец, свернув на совсем узкую тропинку, продираемся сквозь ивняк к воде.

Мы выходим на узкую прибрежную полосу, оставленную половодьем. Это, собственно, и есть городской пляж, то есть место, куда горожане выбирают в выходной позагорать и окунуться в воду. Городская набережная, с бетонными плитами и чугунным ограждением, с кафе и палатками, заполненными горожанами, осталась ниже по течению, а здесь – никого. Пляж пустынен, прибрежную гальку и пятна серого песка грызут хмурые волны. Вокруг немного мусора – то, что не успела утащить спавшая к утру вода: пластиковые пакеты, осколки бутылочного стекла, колбасная кожура и огуречные огрызки. Общее впечатление безнадёжности дополняет инспектирующая берег ворона.

Впрочем, речной простор и полёт над водой чаек немного воодушевляет. Ветер дует из-за холмов на город, стягивая с него покрывало сизой дымки, и пейзаж становится отчётливо резким. Видны дома на той стороне, отдельные деревья, машины, бегущие по мосту. Так странно,

практически в получасе ходьбы от центра города попасть на это пустынное, диковатое место.

– Кажется, распогодится, – говорю я, впрочем, без особой убеждённости, ибо небо беспрочно. Мы расстилаем покрывало и храбро скидываем одежду. На спрятавшееся солнце это не производит никакого впечатления. Более того, на наши плечи падают первые капли.

– Сплаваю, что ли?

– Валяй, – машет она в ответ рукой и падает на покрывало, мгновенно покрываясь гусяной кожей.

Я вступаю в холодную воду, дно – в скользкой глине и острых камнях, осторожно спускаюсь по колено, сердце замирает у горла. Секунду собираюсь с духом перед тем, как нырнуть, и оборачиваюсь на берег.

Она достала из пакета книгу, зевает, хлопая по губам ладонь, делает мне ручкой:

– Давай-давай!

Я набираю в грудь воздуха и решаюсь. Вода обжигает, но я гребу, вперёд и вперёд. Оглядываюсь, и вижу, что меня сильно сносит. Тогда гребу что есть силы против течения, пытаюсь удержаться на месте. Быстро выдыхаюсь, и меня снова тащит вниз по течению. Оглядываюсь на белый купальник на берегу. Что за чёрт – она не одна. Двое рыбаков в болотных сапогах остановились на склоне. Не уходят. Пытаются завязать разговор. Я разворачиваюсь назад, но меня сильно отнесло, да и порядком выдохся. Гребу что есть силы назад.

Рыбаки уже свесили ноги с края обрыва, они смеются, она им коротко отвечает, едва приподымая голову от книги. Взрослые мужики, в грубых брезентовых куртках. Оторвались от семьи на выходные, побродить по берегу, выпить водки. Дома ждёт скандал, жена, теща, с понедельника опостылевшая работа – просиживают штаны в тесных кабинетах, а здесь, на берегу, они короли, мастера подсечки, знатоки мормышек, владельцы складных стаканчиков. Плотоядные ухмылочки блуждают на испитых лицах, они рады неожиданному развлечению.

Мне кажется, ветер доносит до меня их скабрзные, пропитанные водочным дыханием шуточки:

– Девушка, вам не холодно? Правда, не холодно? Можем согреть.

– Почему вы совсем одна? Быть может, вы русалка?

При явлении из воды моей посиневшей фигуры рыбаки разочарованно поднимаются и уходят.

– Бросил меня одну, – притворно обижаясь, поджимает губы.

Я трясусь от холода, вытираясь полотенцем, она складывает покрывало. В небе гремит всё ближе, скоро прольётся по-настоящему. Мы в спешке одеваемся и быстро идём назад по тропинке, потом бежим, смеясь, под начинающимся дождём и, наконец, прячемся под козырьком первого дома. Её волосы успели намочить, чёлка прилипла на лоб, спрятав глаз, и всё это одновременно смешно и глупо: и наш поход на пляж за загаром, и эта ситуация с навязчивыми рыбками, и сама Галка в промокшем насквозь платье. Мы долго стоим, прислонившись к стене здания, смотря на пузырящиеся у наших ног лужи. Галкина голова лежит на моём плече...

Я часто вспоминаю тот день, мне кажется, что я оставил там, на пляже, что-то неуловимое, но оттого не менее важное. Быть может, счастье? Просто быть совсем молодым, когда всё впереди, и кажется, что всего достигнешь, всё успеешь, когда сердце сладко замирает только оттого, что женская головка с мокрой чёлкой легла тебе на плечо.

Проходит время. Протекает много времени. Дождливым днём, в свой законный выходной с рассвета я брожу вдоль реки. Со мной удочка, рюкзак, а в рюкзаке полбулки хлеба, шмат сала, несколько луковиц. Конечно, бутылка. Какая рыбалка без неё? Я начинаю с набережной, спускаюсь по полуразрушенным ступеням к реке. С реки тянет сырой свежестью. Вода спала, обнажив бетонные плиты. Иду вверх по течению, перехожу по мостику грязную городскую речушку, по мутной зелёной воде кружат первые опавшие листья – скоро осень. Я пробую реку на клёв в разных местах, выходя к воде то здесь, то там. Берег неузнаваемо меняет очертания каждый год. Там, где был песчаный пляж, – заросли ивняка, галечный плёс на прежнем глубоком месте. Лишь всё так же бегут через далёкий мост машины, всё так же чайки парят над водой.

Я захожу как можно дальше в воду, чуть не черпая сапогами, бросаю червяка на течение.

Покачиваясь, поплавок начинает мерное движение вместе с водой, пока не натягивается и выбрасывает его в воздух леска. А вода течёт дальше, чтобы, миновав города и деревни, влиться в Северный Ледовитый, превратиться в льдину, айсберг, пропутешествовать вокруг континента, растаять от тёплого течения и вновь

стать водой, чтобы где-нибудь у экватора подняться в небо.

Нельзя войти дважды. Есть ли хоть капля из «той» воды в этих тучах над головой? Вряд ли. Сколько не оставляй ребристых следов, патрулируя бывшую мизансцену, никогда ничего не будет прежним. Разве что эта ворона, сердито вышагивающая по гальке. Быть может, бабушка той?

Я пристраиваю удочку и усаживаюсь прямо на гальку. Наливаю в стаканчик первые сто граммов, и всё возвращается, становится знакомым. Близким и отчётливым становится противоположный берег, далёкий городской шум совсем пропадает, остаётся лишь завораживающее журчание воды, и мысль моя о прошлом летает вместе с чайками в сером безбрежном небе.

Когда-то под этим серым небом, на этом самом месте расцвела любовь. Про это никто не знает, про это никто не помнит, включая меня самого. Чтобы вспомнить, мне нужно приходиться сюда снова и снова. Только напившись здешней атмосферой, воспоминание о минувшей любви вновь пробуждается во мне и живёт.

Поздно вечером я возвращаюсь домой, влача в рюкзаке полиэтиленовый пакет с несколькими рыбёшками. Ностальгическое воодушевление, владевшее мной на реке, испарилось, и мне приходится взять в магазине ещё бутылку.

Дома меня встречает женщина. Я с ней уже много лет, и оттого наши отношения стёрлись до горького безразличия. Порой случаются и скандалы. Я не смог дать ей того, на что вправе рассчитывать любая женщина – ежедневного внимания, достойных денег. Мы заперты вдвоём в тесной квартире, и нет никаких перспектив. В своей работе я давно остановился, никак не расту, более того, годы неудач остудили все мои стремления к успеху. А те редкие изменения, что случаются с любым мужчиной, окончательно ожесточили её сердце. Как ей объяснить, да и возможно ли, что в женщине ищешь того, что она давно дать мне не может. Ведь тянет взрослых мужиков к юным девушкам не только из-за их свежести, нет. Из-за того заинтересованного взгляда, когда в тебе видят настоящего, всё знающего мужчину и не подозревают, что пред ними просто жалкий неудачник.

Я сижу на кухне, зажатый между дребезжащим холодильником и газовой плитой, и цепляюсь за настроение, владевшее мной на реке, с помощью водки. Но бесполезно.

Она появляется на пороге, в застиранном халате, в её голосе усталое отчаяние:

– Сколько это будет продолжаться?

– Что?

– Эта бесконечная пьянка.

– Это же выходной.

– А деньги? Ты знаешь, что у ребёнка ещё не куплены учебники? Что мы не платили ещё за квартиру?

Я слабо отбиваюсь, так как она права, она стопроцентно права, но это-то и вызывает моё раздражение. Но я сдерживаюсь. Сейчас для меня главное – не ударить кулаком по столу. Если ударю, разгорится настоящий скандал, и неизвестно, чем он закончится. А как страшен удар по столу задёрганного на работе, заезженного бытом сорокалетнего мужчины! Я могу ударить

так – подпрыгнет стопка с водкой и закуской, а может, треснет и сам стол, расколовшись, к чертям, пополам. Я вложу в этот удар всю мою злость и накопленное на работе унижение, я ударю так, что разобью в кровь руку и проснусь за стеной соседи.

Ссора всё продолжается, и я не выдерживаю, пальцы сами сжимаются в кулак, но вдруг она закрывает лицо руками и уходит в комнату. Я слышу едва слышные звуки – плачет. Иду следом за ней. Она раскачивается, сидя на кровати, опустив лицо на ладони, лишь поседевшая, родная чёлка спускается со лба.

Я присаживаюсь рядом и обнимаю её за плечи:

– Прости меня, Галка. Дорогая... Слышишь? Прости.

